

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В РАБОТЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИИ (1906-1907 гг.)

С. В. ДАРЧИЕВА

После событий первой русской революции 1905-1907 гг. необходимость проведения полномасштабных аграрных преобразований как важнейшего условия осуществления экономической и политической модернизации страны стала очевидной. Аграрный вопрос в начале XX века являлся тем стержнем, вокруг которого скапливались не только социальные, но и национальные противоречия и который требовал кардинального решения. Все общественно-политические силы страны связывали решение этого вопроса с Государственной думой, на нее возлагались большие надежды. Открытие 1-ой Думы видный либеральный деятель П. Б. Струве охарактеризовал как начало новой эпохи в истории России. «До сих пор, — писал он, — страна жила помыслами о Думе, надеждами на нее, верой в нее. Теперь Дума должна жить верой и помыслами страны, в них черпая и смысл своего существования и силы для выполнения своего призвания. Вопреки всем злым силам старого строя, Дума восстает перед нами как воплощение новой народной России. Создавая Думу, ведя за нее борьбу, русский народ и все народы, связанные с ним общей политической судьбой, спланивались в духовное целое, сознающее себя самоопределяющейся и властной силой, складывались в нацию» [1].

Прежде чем рассматривать деятельность северокавказских депутатов в решении аграрного вопроса, остановимся вкратце на том, что беспокоило и требовало разрешения в первую очередь в регионе.

На Северном Кавказе, являвшемся аграрной окраиной России, сочетались черты сложившегося капитализма, свой-

ственные Кубани и Ставрополью, с наличием крепостнических пережитков в горных областях. Аграрная проблема была основой противоречия между казачьей верхушкой, кулачеством и горской феодальной знатью, с одной стороны, и основной массой безземельных иногородних крестьян, горской и казачьей беднотой — с другой. Наличие на Северном Кавказе огромного количества безземельных крестьян-переселенцев и малоземельных горцев определяло специфику этого противоречия. К специфическим особенностям относилось также существование привилегированного казачьего сословия на Кубани и Тереке, лучше обеспеченного землей и имевшего ряд преимуществ в сравнении с «местным» и «иногородним» переселенческим населением.

О целях и задачах колонизации в Терской области в связи с общими политическими намерениями правительства дореволюционный политик и историк А. А. Долгушин писал следующее: «Правительство одобрительно отнеслось к явлению переселения, полагая, что приток русского земледельческого населения окажет значительное культурное влияние на туземное население в смысле приобщения его к мирному занятию земледелием, а также надеясь, что в смеси с русским населением туземцы скорее забудут свое обособление от русских и взаимную вражду» [2, 7-8].

На Северном Кавказе в начале XX в. оживилось движение горского и русского крестьянства, причем борьба велась не только за землю, но и против засилья царской администрации. Эта особенность крестьянского движения в крае придавала ему, при всей его стихийности и неорганизованности, исключительно острый

характер. Наибольшей остроты движение крестьян достигло в тех местах, где сохранялось помещичье землевладение, зависимое отношение крестьян к бывшим владельцам, как это было в Дагестане. Здесь райяты и зависимые уздени требовали прекращения зависимых отношений, освобождения от повинностей в пользу беков. Особенно массовый характер это движение приняло в Кайтаго-Табасаранском и Темир-Хан-Шуринском округах, где было сосредоточено подавляющее большинство зависимого населения. В 1903 г. крестьяне с. Кафыр-Кумух выступили против помещика Тарковского, захватившего участки крестьянских земель. В 1905 г. против этого же помещика произошло крупное выступление в селении Атлыбоюн [3, 251].

Десятки лет за пастбищные земли боролись крестьяне Стур-Дигории и Тагаурии Владикавказского округа [4, 415]. В Терской области горские феодалы увеличивали свою собственность путем насильственного присвоения крестьянских земель. С 1900 г. борьба крестьян против массовых земельных захватов принимает острый характер в Балкарии и Осетии.

В особом привилегированном положении находилось казачество, слой «земледельцев самых зажиточных, наиболее сословно замкнутых» [5, 186]. Составляя в конце XIX в. четвертую часть населения Северного Кавказа (25,6%), оно имело в своем распоряжении 8,3 млн. дес. (почти 40%) лучшей по качеству земли в регионе [5]. В 1890 г. на душу мужского пола приходилось у кубанских казаков по 18 дес. земли, терских — 21,6 дес. Через 15 лет в связи с ростом населения наделы уменьшились до 11,3 и 17,5 дес. И все же они были значительно больше, чем у крестьян европейской России, имевших в 1900 г. в среднем по 2,6 дес. на мужскую душу [5].

В ином положении находились горцы Северного Кавказа. У ряда горских народов наделы были не только мизерными, но и малопригодными для земледелия. Так, у чеченцев они составляли 5,1 дес., у осетин 4,5, ингушей — 4,3, лезгин — 3,8 дес. на муж. душу [5]. В 1902 г. были случаи недо-

вольства крестьян Медвеженского уезда Ставропольской губернии, требовавших прирезки земли. В некоторые станицы Кубани проявляли недовольство и казаки. В одной из корреспонденций в «Искру» из станицы Владимирской сообщалось, что постепенное уменьшение земельных наделов, недороды и наряду с этим увеличением расходов на снаряжение казаков все чаще заставляют кубанцев роптать на свою горькую нужду и несправедливость начальства [4, 417].

Аграрное движение в регионе усилилось в середине 1905 г. под влиянием революционных событий, охвативших всю страну. Во время июльской стачки рабочих Владикавказской железной дороги крестьяне Кубани отказались платить повинности и угрожали местным властям закрыть сельские управления. Крестьянские волнения на Ставрополье происходили по поводу раздела помещичьих и казенных земель, причем в нескольких селах крестьяне сами разделили между собой арендованные помещиком казенные земли. Активно росло крестьянское движение в Дагестане. Массовый характер приняло аграрное движение и в Осетии. В 1905 г. крестьяне захватили казенные земли во Владикавказском округе, потравили покосы землевладельцев. Начальник Терского областного жандармского управления Р.К. Шпицбарт, докладывая своему начальству о политическом состоянии области на 20 сентября 1905 г., отмечал, что аграрное движение в плоскостной Осетии «вылилось в форму массового грозного движения, могущего получить крайне опасное направление» [6, 138]. В документе указывалось, что аграрное движение из Осетии перекинулось в Нальчикский округ, где произошли волнения. Активизировалась борьба чеченского и ингушского крестьянства. Малоземельная и безземельная беднота Грозненского, Веденского и Назрановского округов захватывала частные, войсковые, казенные земли, лесные участки, изгоняла представителей царских властей, отказывалась платить налоги. Борьбу за передачу казенных земель народу вели и крестьяне Карачая. В

мае 1905 г. уполномоченные от 21 сельского общества Карачая потребовали от властей передачи в безвозмездное пользование казенного Тебердинского участка [4, 436].

Для подавления крестьянского движения власти привлекали регулярные войска, расквартировывали на длительные постой в горские аулы казачьи сотни. При малейшем неповиновении постой сопровождались расправами, которые превращались в издевательство над горцами. Все это обрекало массы на голод и разорение. Подобные меры в корне подрывали престиж государственной власти даже у доброжелательно настроенного горского населения и ухудшали межнациональные отношения, так как в качестве исполнителей подобных позорных акций администрация чаще всего призывала терских казаков, бездумно используя в сиюминутных политических целях святое для станичников чувство долга и верности присяге [7, 80].

Подъем аграрного движения был характерен для всех областей Северного Кавказа. И суровые карательные меры лишь усиливали его. Стихийная борьба за землю и за свободу принимала более активные формы, выливаясь часто в абречество как наиболее приемлемую для горцев форму противодействия сильной государственной власти и одновременно весьма вероятный способ укрепления своего материального положения. Власти, бессильные победить абречество, ужесточали жизнь горцев, чем вызывали их глубокую ненависть и к администрации, и к казачеству. Будучи специфически кавказским явлением, абречество в то время не носило какой-либо политической окраски. Так, публицист Г. А. Ткачев отмечал, что «насилия чеченцев и ингушей лишены характера племенной вражды или национального антагонизма» [8, 39]. При всей своей неприязни к абречеству он заявлял: «Я желал бы всегда отделять воров от «туземцев», хотя бы эти воры и были туземной крови. Пора отделять мирно трудящийся люд — селян, купцов, ремесленников — от неустановившейся мути, поставляющей нам воров и абреков» [9, 35]. Однако в силу своей неспособности

выявить экономические причины абречества, Ткачев всю суть этого явления видел в неиспользовании властями имеющихся у них полномочий — как силовых, так и просветительских — для подавления преступности в Терской области. Более основательным и глубоким представляется мнение исследователя С. И. Гуревича «Чеченец и ингуш, — писал он, — в силу роста товарно-денежных отношений в деревне разорялся и нищал, но, не видя истинного врага, искал выход в абречестве...» [10, 9] Поистине, абречество оказалось национальной трагедией для горских народов и сыграло, бесспорно, отрицательную роль в их истории.

С началом работы Государственной думы политическая жизнь Российской империи приобретает новое, достаточно четко оформленное региональное измерение. Благодаря деятельности политических партий, легальной трибуной для которых стала Дума, появилась возможность более адекватного отражения общенациональных и региональных интересов. Однако образование парламента осуществлялось силами, на деле несколько не заинтересованными в его эффективном функционировании. Именно это во многом предопределило возможности Думы в сфере законодательства и плодотворной реализации своих решений, а также коллизии взаимоотношений исполнительной и представительной ветвей власти. Обе первые Думы вряд ли могли оказать какое-либо влияние на политику правительства, так как Совет министров был ответствен только перед императором, к тому же думская законодательная компетенция блокировалась консервативной верхней палатой (Госсоветом), правом вето царя и перекрывалась чрезвычайным законодательством (ст. 87 ОЗ).

В работе 1-ой Думы приняли участие десять народных избранников от Северного Кавказа. Кубанскую область представляли: К. Л. Бардиж (кадет), А. А. Гришай (кадет), Н. Г. Кочевский (кадет), М. И. Свешников (трудовая группа), В. И. Лунин (трудовая группа), Н. И. Морев (трудовая группа), В. К. Константинов (беспартийный). Тер-

скую область представляли: П. П. Димиров (беспартийный), А. П. Маслов (трудовая группа), Т. Э. Эльдарханов (трудовая группа), затем перешел в мусульманскую группу). В центре внимания северокавказских депутатов были жизненно важные вопросы российской действительности: аграрный, демократизация политической жизни, национально-религиозные взаимоотношения [11, 5-6].

Ни один из вопросов, обсуждавшихся в Государственной думе, не привлекал к себе такого всеобщего внимания, как вопрос аграрный. На этом вопросе фокусировали свое особое внимание представители всех политических партий. Именно этот вопрос вызвал самые жаркие дебаты и настойчивые требования народных избранников проведения демократических реформ и преобразований, что послужило причиной нарастающего конфликта 1-ой Думы и правительства И. Л. Горемыкина. Работа северокавказских депутатов в Думе по решению аграрного вопроса велась в основном в двух направлениях — обсуждение в аграрной комиссии проекта земельной реформы и рассмотрение крестьянских наказов и запросов в адрес Думы.

Законопроектов аграрной реформы на обсуждение 1-ой думы, помимо правительственного, было выдвинуто четыре.

— Кадеты (Конституционно-демократическая партия, Партия народной свободы) признавали необходимость расширения площади крестьянского землевладения за счет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских и церковных, а также путем обязательного отчуждения для этой цели за счет государства частновладельческих земель по справедливой оценке. Все отчуждаемые земли поступали в так называемый общегосударственный земельный запас, из которого земля должна отводиться в таком количестве, которое необходимо для обеспечения потребительской нормы.

— Трудовики (Трудовая группа) предлагали осуществить национализацию земельной собственности в России и формирование общероссийского земельного

фонда. Наделение земель из фонда должно производиться в пределах трудовой нормы, которая значительно выше потребительской. Непосредственное распределение участков возлагалось на органы местного самоуправления, которые должны были избираться всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием. Законопроект разрабатывался при активном участии эсеров и энесов, и, соответственно, представлял собой один из вариантов неонароднической модели решения земельного вопроса [12, 656].

— Эсеры (Фракция социалистов-революционеров) предлагали решение земельного вопроса через социализацию земли. Авторы законопроекта настаивали на том, что земля должна стать общенародным достоянием; частная земельная собственность на всей территории России упразднялась. Однако данный законопроект был признан самой Государственной думой нежелательным и преждевременным. Дальнейшего движения он не имел.

— Особую позицию в Думе по аграрному вопросу заняли умеренные партии, наиболее яркий представитель которых граф П. А. Гейден выступал за поиск компромисса с властью, однако признавал допустимость принудительного отчуждения в исключительных случаях.

Правительство также внесло в Думу свои предложения о способах улучшения крестьянского землевладения, об изменениях порядка землепользования крестьян на их наделах. Правительственный проект включал в себя расширение продажи крестьянам казенных и, при содействии Крестьянского банка, частных земель, за развитие переселения крестьян в Сибирь, на Кавказ и в Среднюю Азию, где в распоряжении правительства имелись обширные площади плодородных земель.

На протяжении 3-х недель (15.05-06.06. 1906 г.) Дума рассматривала проекты земельной реформы для их передачи в Аграрную комиссию. Это обсуждение вылилось в общие дебаты по аграрному вопросу. При этом проявилась любопытная тенденция: каждый депутат конкретизировал картину

земельных отношений на отдельных приемах. В итоге страдали интересы дела: сказывалось отсутствие опыта парламентской работы, разногласия мнений и течений при слабости внутрипартийной дисциплины, а также недостаточная теоретическая разработанность вопроса [13, 354].

Главным пунктом аграрной реформы, вокруг которого развернулась острая борьба, являлся вопрос о принудительном отчуждении частновладельческих земель. Принцип этот выдвигался как кадетами (Ф. А. Щербина, К. Л. Бардиж, А. А. Гришай, Н. Г. Кочевский, Н. И. Морев), так и трудовиками (В. И. Лунин, А. П. Маслов, Т. Э. Эльдарханов), но не в форме конфискации, а за выкуп. Социал-демократы и некоторые прогрессисты выдвигали требования уничтожения крупного и частного землевладения (Л. Ф. Герус, И. П. Покровский, П. С. Ширский).

5 июня общие прения по аграрному вопросу закончились, и Дума приступила к избранию аграрной комиссии для выработки законопроекта земельной реформы. Комиссия избиралась из 99 членов, причем 91 член комиссии должен был быть избран немедленно, а 8 мест сохранялось для прибывающих представителей от Кавказа, Сибири и Средней Азии. Члены комиссии избирались пропорционально по пять депутатов от каждой группы [14, 316]. Из северокавказских депутатов в комиссию входили кубанские кадеты Бардиж, Гришай, от Терской области — трудовики Маслов и Эльдарханов, и ставропольский прогрессист Борисов. С думской трибуны депутаты говорили о положении крестьян на местах, пытались решить конкретные вопросы, поставленные им в наказах, запросах и письмах избирателей [15, 73-74].

Работа самой аграрной комиссии проходила малоэффективно. Только в конце июня на повестку дня заседания Думы был поставлен вопрос о категориях земель, подлежащих отчуждению. Комиссия предлагала внести в эту группу земли казенные, удельные монастырские и частновладельческие, не уточнив, как именно будет осуществляться их отчуждение. Такая позиция

комиссии, а также отсутствие поддержки со стороны правительства вызывали возмущение у многих депутатов, особенно трудовиков. В выступлениях Димирова, Маслова, Эльдарханова и др. звучали призывы к правительству повернуться лицом к крестьянам, к вопросу о земле. Депутат от Терской области Маслов предложил Думе обратиться к народу со своим воззванием. «Неспособность правительства решить земельный вопрос, — отметил докладчик, — является преступлением и подрывает авторитет Думы. А замалчивания тяжелого положения крестьян может поставить Думу в еще худшее положение. В ряде мест это приводит к вооруженным столкновениям с правительственными войсками, как это произошло в июне в Грозном» [16, 1889]. Дальнейшее откладывание решения земельного вопроса, по мнению депутата, могло привести к еще большему обострению обстановки.

Конфликт Думы и правительства продолжал нарастать. 20 июня 1906 г. было опубликовано правительственное сообщение по аграрному вопросу, в котором указывалось, что принудительное отчуждение земли вредно для самих крестьян, а также сообщалось о внесении в Думу правительственного законопроекта о реформе крестьянского землевладения. Правительство в обход Думы объявило народу о предстоящей земельной реформе в своем варианте. Это сообщение вызвало возмущение депутатов, которые считали, что исполнительная власть должна подчиняться законодательной. В свою очередь, Дума решила опубликовать ответное сообщение, в котором объявлялось, что правительство «подрывает в населении веру в правильное разрешение земельного вопроса законодательным путем» [17, 470]. Совет министров счел, что Дума заняла открыто революционную позицию, фактически призвав народ к неподчинению правительству, и высказался за ее роспуск. Император с этим согласился, и 8 июля 1906 г. первая Государственная дума была распущена.

В ходе деятельности первого российского парламента с очевидной определенностью выявилась его полная несовмести-

мость со всей системой государственного управления. Первой Государственной думе не удалось интегрироваться в систему высших органов власти и запустить механизм функционирования конституционной монархии. Основной причиной этого были непомерные амбиции депутатов, а также неготовность высшей власти к сотрудничеству с народными избранниками.

Для северокавказских депутатов законодательная работа в Думе послужила незаменимой школой парламентской культуры. Северокавказские депутаты участвовали в разработке проекта аграрной реформы, входили в состав думской комиссии по землепользованию. Характеризуя их работу, нужно отметить высокую активность и организованность, подготовленность в обсуждении вопросов, касающихся не только родного региона.

Под влиянием изменения политической обстановки в стране и неудачного опыта 1-ой Думы либеральные партии частично пересматривают свою предвыборную и парламентскую тактику. Становится ясным, что кадеты берут на вооружение лозунг «бережения» Думы, отказываясь от активных наступательных действий в парламенте. Кадеты намеревались, создав компактное большинство, уделить основное внимание законодательной работе в области реформы местного самоуправления на широких демократических началах, аграрной реформе и расширению прав самой Думы. Октябристы, напротив, окончательно определяют свое место как правительственной партии, продолжается их сближение с правительством П. А. Столыпина, с которым они связывают возможность проведения в стране умеренно-буржуазных реформ.

Депутатский состав 2-ой Государственной думы оказался еще более разночинным и многонациональным. До 90% депутатов Думы вошли в противостоящие правительству фракции, а 27 народов Российской империи имели своих депутатов общим числом почти 190 человек.

От Северного Кавказа во 2-ю Государственную думу прошло одиннадцать депу-

татов. В Кубанской области и Черноморской губернии были избраны: от казачьего населения — К. Л. Бардиж (кадет), П. Г. Кудрявцев (кадет), Ф. А. Щербина (народный социалист); от неказачьего населения — П. С. Ширский (эсер), Л. С. Герус (социал-демократ), В. И. Миртов (социал-демократ). В Терской области: от казачьего населения — М. А. Караулов (мирнообновленец), от неказачьего населения — Т. Э. Эльдарханов (Мусульманская группа), Г. А. Горбунов (социал-революционер). Дагестанская область и Закатальский округ представляли А. А. Кардашов и Б. Султанов (оба вошли в Мусульманскую группу) [11, 5].

Все партии и движения, представленные в Думе, отмечали наличие неразрешенных проблем и противоречий в области земельных отношений и намечали меры по улучшению ситуации. Сложившиеся объединения партий и блоков в Думе являлись сложными конгломератами, и обсуждение ими аграрного вопроса достигало необычайного напряжения. Депутаты от Северного Кавказа считали, что проведение кардинальных реформ в политической, экономической и социальной сферах поможет избежать новых революционных потрясений в регионе. Их оппоненты настаивали на сохранении существующих законов вплоть до «полного успокоения» властями. Государственная дума, которая концентрировала в себе весь спектр общественно-политической жизни России, являла собой яркую картину борьбы классов и партий, концепций и взглядов по всем насущным проблемам страны.

Во 2-й Думе друг другу противостояли два потока законопроектов: первый — правительственный, ограниченный по направленности и узкий по содержанию, дополнявшийся массовыми полицейско-карательными мерами, и второй — думско-оппозиционный, предлагавший реальную демократизацию, передел собственности в пользу неимущих слоев, введение национального и религиозного равноправия, расширение регионального местного самоуправления и развитие национальной культуры.

Аграрный вопрос во 2-ой Государственной думе по-прежнему оставался главным, вокруг которого развернулись основные дебаты. С 19 марта до 26 мая 1907 г. Дума обсуждала аграрный вопрос на предмет передачи в комиссию проектов земельной реформы, внесенных социал-революционерами, трудовиками и кадетами. В ходе дебатов социалисты, трудовики и кадеты обосновывали необходимость передачи крестьянам всей или части помещичьей земли, правые и, в меньшей степени, октябристы им возражали.

Кадеты ставили своей задачей расширение крестьянского землепользования, для чего предлагали передать в постоянное пользование крестьянам не только кабинетские и церковные земли, но и законным путем принудительно отделить от частновладельческих земель столько, сколько необходимо для удовлетворения насущных потребностей крестьян. В составлении законопроекта приняли участие депутаты от Кубанской области П. Г. Кудрявцев и Ф. А. Щербина.

Трудовики сводили решение аграрного вопроса к следующим мероприятиям: образование земельного фонда путем принудительного отчуждения и предоставление этого фонда в пользование крестьян, передача заведывания этим фондом в руки местного самоуправления. Кроме того, трудовики считали, что нынешняя Дума не имеет права решать земельный вопрос в окончательной форме, и сначала он должен быть решен на местах, в земельных комитетах. «Рассматривая эти требования лишь как приблизительный перечень самых неотложных нужд настоящего времени, необходимо предоставить самим избирателям внести в вышеизложенную программу желательные для них поправки и дополнения. Только в живом общении всех граждан на предвыборных собраниях выясняются подробно более частные нужды народа и наилучшие способы их удовлетворения. Задача же трудовой группы избирателей в настоящее время заключается в том, чтобы провести во вторую Думу лишь надежных борцов за политическое и экономическое

освобождение той народной массы, трудами которой живет Россия» [18, 18].

Подытоживая споры левых и правых по аграрному вопросу, депутат от Терской области Эльдарханов отметил их главное противоречие — за или против частной собственности на землю. Если правые полностью игнорировали проблемы крестьян и ставили вопрос, исходя из интересов имущих классов, то левые фракции полностью отрицали частную собственность на землю и провозглашали принцип: вся земля без выкупа и вознаграждения должна перейти к крестьянам. «Безвыходное положение крестьян и долг наш помочь им, — призвал Эльдарханов на заседании Думы в мае 1907 г., — в их острой земельной нужде требуют, чтобы мы не увлеклись теоретическими рассуждениями, не имеющими под собой никакой реальной подкладки, и сошлись на одном законопроекте, который являлся бы практически осуществимым при существующих условиях» [19, 77]. В качестве такого проекта депутат предлагал взять за основу законопроект партии народной свободы, т.е. кадетский вариант.

10 мая председатель Совета министров и министр внутренних дел П. А. Столыпин заявил, что государство не допустит, кроме исключительных случаев, для устранения чересполосицы, принудительного отчуждения частновладельческих земель. Оппозиционное большинство 2-ой Думы отрицательно отнеслось к правительственным планам аграрной реформы. Составлявшие его фракции и подкомиссии высказались за отклонение соответствующих чрезвычайных указов, но комиссии и общее собрание Думы не успели их рассмотреть. Аграрная комиссия большинством приняла решение о необходимости отчуждения частновладельческих земель.

Из всего, что говорилось в Думе по земельному вопросу, правительство сделало вывод, что Дума не поддержит его аграрную реформу. 15 мая на заседании Думы Столыпин отверг проекты левых и кадетов. Правительство предложило крестьянам покупать земли через крестьянский банк с облегчением платежей, но без при-

нудительного отчуждения. Закон о земле так и не был принят в связи с роспуском Думы.

Подводя итоги деятельности депутатов Северного Кавказа во 2-ой Думе, можно отметить, что они придавали особое значение разработке проектов аграрной реформы, прямо связывали аграрный вопрос с проблемой национального равноправия, гражданских свобод и регионального демократического самоуправления. Но демократический потенциал законодательных инициатив думцев оказался вновь

нереализованным. Перечисленные выше законопроекты не устраивали правительство, ориентированное на стабилизацию политического режима после потрясений 1905-1907 гг. без каких-либо серьезных изменений.

Отказ от переводумской модели представительства и замена ее третьеиюньской системой позволили власти временно создать иллюзию управляемости империи, а на деле способствовали стагнации всей политической системы, особенно ощутимой в региональном контексте.

1. Струве П.Б. Народ и Дума // Дума. СПб., 1906. № 1. 27 апреля.
2. Долгушин А.А. О переселении в Терскую область из внутренних губерний. Владикавказ, 1907.
3. Далгат Э.М. Крестьянство Дагестана на рубеже XIX-XX вв. Махачкала, 2000.
4. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / Отв. ред. Л.А. Нарочницкий. М., 1988.
5. Ратушняк В.Н. Развитие аграрного капитализма на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX вв. // Исторические записки. М., 1989. Т. 117.
6. Революция 1905-1907 годов на Тереке: Документы и материалы / Сост. А.К. Джанаев и др. Орджоникидзе, 1980.
7. Дунюшкин И.Е. Юг России: Накануне катастрофы. Борьба органов государственной власти и терского казачества с национал-клерикальным сепаратизмом на Северном Кавказе в начале XX в. Екатеринбург, 2003.
8. Ткачев Г.А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Владикавказ, 1911. Вып. 1.
9. Ткачев Г.А. Казаки и Туземцы в Терской области. Владикавказ, 1910.
10. Гуревич С.И. Борьба за Советскую власть на Тереке в 1917-1918 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1956.
11. Депутаты от Северного Кавказа в Государственной думе Российской империи (1906-1917 гг.): Энциклопедический справочник / Автор-составитель С.В. Дарчиева. Владикавказ, 2009.
12. Законотворчество думских фракций. 1906-1917 гг.: Документы и материалы. М., 2006.
13. Дарчиева С.В. Первая Государственная дума и проблемы межнациональных отношений на Северном Кавказе // Кавказоведение: опыт исследований. Владикавказ, 2006. С. 351-362.
14. Сидельников С.М. Образование и деятельность первой Государственной Думы. М., 1962.
15. Дарчиева С.В. Северокавказские депутаты Государственной думы России (1906-1917 гг.). Владикавказ, 2006.
16. Сборник речей депутатов Государственной Думы I и II созыва. СПб., 1908. Кн. 1.
17. Государственная дума Российской империи: Энциклопедия. В 2-х т. Т. 1. 1906-1917 / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2006.
18. ГАРФ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 7.
19. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв II. Сессия IX.